

О пассивных глаголах с показателем *-ra / -rye* в тундровом ненецком языке

© 2023

Иван Андреевич Стенин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Россия; ystein88@gmail.com

Аннотация: В статье рассмотрены глаголы, образованные с помощью непродуктивного показателя *-ra / -rye*, в тундровом ненецком языке. Такие глаголы непереходны, перфективны и изменяются, как правило, по рефлексивному спряжению. В морфосинтаксическом отношении функцию этого показателя в сочетании с переходными глаголами можно считать пассивной. Присоединение показателя допустимо также для ряда непереходных глаголов и именных основ. Отыменные глаголы демонстрируют двойную манифестацию «пассивной» морфологии и позволяют продвигать в позицию подлежащего участника, отсутствующего в аргументной структуре. В семантическом отношении большую часть пассивных дериватов объединяет употребление преимущественно в адверсативных контекстах. Возникновение адверсативных употреблений может быть связано с наличием каузативно-пассивного синкретизма и P-лабильности.

Ключевые слова: адверсатив, актантная деривация, залог, ненецкие языки, пассив, самодийские языки, уральские языки

Благодарности: Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325). Я благодарен носителям тундрового ненецкого языка за неоценимую помощь, а также анонимным рецензентам за замечания к изначальному тексту статьи.

Для цитирования: Стенин И. А. О пассивных глаголах с показателем *-ra / -rye* в тундровом ненецком языке. *Вопросы языкознания*, 2023, 4: 21–46.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.4.21-46

On passive verbs with the marker *-ra / -rye* in Tundra Nenets

Ivan A. Stenin

HSE University, Moscow, Russia; ystein88@gmail.com

Abstract: The article deals with the verbs formed with the unproductive marker *-ra / -rye* in Tundra Nenets. Such verbs are intransitive, perfective, and are inflected, as a rule, in the forms of the reflexive conjugation. Morphosyntactically, the function of this marker in combination with transitive verbs can be considered passive. The addition of the marker is also possible for some intransitive verbs and nominal stems. Denominal verbs show a double manifestation of “passive” morphology and allow to promote into the subject position a participant that is absent in the argument structure. Semantically, the majority of passive derivatives are united by their use mainly in adversative contexts. The emergence of adversative usage may be related to the presence of causative-passive syncretism and P-lability.

Keywords: adversative, Nenets, passive, Samoyedic, Uralic, valency change, voice

Acknowledgements: The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325). I am grateful to the native speakers of Tundra Nenets for their invaluable help, as well as to the anonymous reviewers for their comments on the original draft.

For citation: Stenin I. A. On passive verbs with the marker *-ra / -rye* in Tundra Nenets. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 4: 21–46.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.4.21-46

1. Введение

В тундровом ненецком языке существует несколько стратегий пассивизации: во-первых, ряд конструкций с различными причастными формами от переходных глаголов в предикативной позиции, в частности с перфективным и имперфективным причастиями, которые выражают агенсный (1) и безагенсный (2) пассив; во-вторых, непродуктивный морфологический показатель *-ra / -rye*¹, образующий непреходные пассивные глаголы (3).

- (1) Тундровый ненецкий (с. Гыда, Тазовский р-н, ЯНАО)

məny^o *xa-da-we-myih* *nyí* *ŋaq*,
я умереть-CAUS-PT.PFV-POSS.1NPL² NEG.GFS[3SG.S] быть-CN

nyísyu-nyih *xa-da-wi*^o
отец-GEN.POSS.1NPL умереть-CAUS-PT.PFV[3SG]

{— Это ты добыл? — Нет,} ‘это не я добыл, это мой отец добыл’, букв. «мною добыто(е) (это) не есть, моим отцом добыто(е)».

- (2) Тундровый ненецкий [Терещенко 1965: 588]

xələw^o *syuy^obtət^oh* *xa-da-bə-da*
чайка большая.приманка.снабженная.ниткой.DAT умереть-CAUS-DUR-PT.IPFV[3SG]

‘Чайки ловятся на большую приманку’.

- (3) Тундровый ненецкий (п. Белоярск, Приуральский р-н, ЯНАО)

tí *sarmyikə-x^ona* / *sarmyikə-n^oh* *xa-da-re-y^o-q*
олень волк-LOC волк-DAT умереть-CAUS-PASS-SFS-3SG.R

‘Олень оказался задран волком’.

Причастный пассив в тундровом ненецком уже становился предметом рассмотрения в литературе (см. в первую очередь [Nikolaeva 2014: 239–249 et passim], а также наблюдения в [Jalava 2014] и [Стенин 2022]), и в целом его свойства и функции, по-видимому, достаточно хорошо вписываются в то, что известно о причастных пассивах в типологии (ср. [Haspelmath 1994] и многочисленную цитируемую там и более позднюю литературу), тогда как существование непродуктивного морфологического пассивного показателя лишь кратко упоминалось в [Терещенко 1956; Salminen 1993–2012; Nikolaeva

¹ Показатели *-ra* и *-rye*, из которых последний, по-видимому, является исторически палатализованным вариантом первого, для целей данной работы считаются одним показателем, поскольку глаголы, образованные с их помощью, не обнаруживают различий в морфосинтаксическом или семантическом отношении, а от ряда основ образуются оба деривата, признаваемые свободными вариантами. Аналогичные пары вариантов существуют и для ряда других морфем. В соответствии с правилами {*r ry*} → |*l ly*| / C _ и (в первом слоге, в большинстве идиолектов) {*a*} → |*e*| / _ *ŷə* показатель *-ra / -rye*, помимо основных, имеет также следующие алломорфы: *-la*, *-lye*, *-re*, *-le*. В записи примеров используется вариант транскрипции Т. Салминена; см. [Salminen 1993–2012]. Использование подчеркивания в строке транскрипции следует за практикой морфологического словаря [Salminen 1998], где данный символ обозначает неуверенность в точности фонемизации. За описанием формальной морфологии читатель может обратиться к работе [Salminen 1997].

² В конструкции с перфективным причастием для индексации агенса используются лично-числовые показатели посессивной серии. В восточных диалектах посессивные показатели 1 л. ед. ч. часто вытеснены показателями 1 л. дв. ч. В таком случае синкретичный показатель glossируется как POSS.1NPL.

2014], поэтому целью этой работы является прежде всего обзор конструкций, в которых задействованы непереходные глаголы, маркированные показателем *-ra / -rye* в пассивной и смежных с ней функциях.

Материал тундрового ненецкого, рассматриваемый здесь, взят из опубликованных источников и существующей литературы, а также записан в ходе собственной полевой работы автора в лингвистических экспедициях в с. Антипаюта и с. Гыда Тазовского района и п. Белоярск Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа в 2011–2014 гг. Примеры, полученные автором от носителей тундрового ненецкого языка, приводятся без ссылок.

Статья устроена следующим образом. В разделе 2 рассматриваются свойства пассивных глаголов со стандартной пассивной диатезой в северносамодийской перспективе. В разделе 3 обсуждаются примеры других конструкций, в которых задействована пассивная морфология, в частности «двойные пассивы» и отыменные дериваты. Раздел 4 посвящен типологическим параллелям адверсативных употреблений пассивных конструкций. В разделе 5 обсуждается каузативно-пассивный синкретизм и декаузативная / рефлексивная лабильность в тундровом ненецком языке. В разделе 6 подводятся итоги.

2. Свойства тундрового ненецкого пассива в северносамодийской перспективе

2.1. Общие сведения

Рассмотрим сначала пример глагола со стандартной пассивной диатезой, образованного с помощью показателя *-ra / -rye* от переходного глагола.

- Тундровый ненецкий (п. Белоярск, Приуральский р-н, ЯНАО)
- (4) (*məny*^o) *yəsyɑ-nɯih* *ŋəsya^o-m talye-wi^o-q* / *talye-^o-q*
я железо-[GEN]POSS.1NPL мешок-ACC украсть-NARR-3PL.S украсть-GFS-3PL.S
‘У меня украли кошелек’, букв. «мой кошелек украли (они)».
- (5) (*məny*^o) *yəsy^o-nɯih* *talye-rye-wiə-d^o-q* / *talye-rye-yə-d^o-q*
я железо.PL-[NOM]POSS.1NPL украсть-PASS-NARR-3PL.R украсть-PASS-SFS-3PL.R
‘У меня украли деньги’, букв. «мои деньги оказались украдены».

В (4) представлена активная клауза с переходным глаголом *talye-* ‘украсть’ в неопределенно-личной форме (совпадающей с формой 3 л. мн. ч.) и прямым объектом в форме аккузатива ед. ч. В скобках приведена аналогичная форма аориста индикатива, которая при определенных условиях может быть использована в переводах данного стимула вместо т. н. нарратива, используемого в первую очередь в инферентивных контекстах. В зависимости прежде всего от информационной структуры переходные глаголы в тундровом ненецком языке допускают изменение как по субъектному, так и по субъектно-объектному спряжению. В последнем случае в глагольной форме индексируется не только субъект, но и прямой объект 3 л., имеющий топиальный статус³. В (4) в зависимости от контекста тоже возможны как форма 3 л. мн. ч. субъектного спряжения (*talye-wi^o-q / talye-^o-q*), так и форма субъектно-объектного спряжения, индексирующая не только субъект 3 л. мн. ч., но и прямой объект ед. ч. (*talye-we-doh / talye-^o-doh*). В (5) дана пассивная клауза с непереходным глаголом *talye-rye-*, образованным от *talye-*, стоящим в форме 3 л. мн. ч.

³ О выборе спряжения в переходной финитной клаузе см. [Dalrymple, Nikolaeva 2011; Nikolaeva 2014].

т. н. рефлексивного спряжения и согласующимся с пациентивным участником в позиции подлежащего⁴. В (5) морфологическая структура глагольной словоформы, синтаксическое устройство пассивной клаузы и наблюдаемая семантика соответствуют представлениям о типичной пассивной конструкции⁵.

В примере (7) синтаксис и семантика тоже выглядят регулярно (пассивный дериват перераспределяет роли участников с точки зрения их коммуникативной значимости), но морфологическое устройство пассивного глагола очевидным образом нарушает ожидания: он содержит два аффикса пассива. Более того, основа с одним вхождением пассивного показателя в принципе не существует в тундровом ненецком языке, в отличие, например, от лесного энецкого, где именно глагол с одним пассивным показателем является пассивным дериватом глагола ‘увидеть’⁶. В (6) для сравнения показана активная клауза с исходным глаголом.

(6) Тундровый ненецкий (с. Гыда, Тазовский р-н, ЯНАО)
tyenyana (mānu°) syiq-myih māneq-ŋa-cy°
 вчера я PRON-ACC.POSS.1NPL увидеть-GFS-3PL.S.PST
 ‘Вчера меня увидели’.

(7) Тундровый ненецкий (п. Белоярск, Приуральский р-н, ЯНАО)
*mānu° yiryi-xə-nyih māneq-la-re-yə-w°q / *māneq-le-yə-w°q*
 я дед-DAT.POSS-POSS.1NPL увидеть-PASS-PASS-SFS-1SG.R увидеть-PASS-SFS-1SG.R
 ‘Меня увидел (мой) дедушка’, букв. «я оказался увиденным дедушкой».

2.2. Деривационный статус пассивного показателя в северносамодийских языках

Несмотря на различия в употреблении и продуктивности, во всех северносамодийских языках пассив имеет деривационный статус, т. е. образует новую лексему, а не формы исходного производящего глагола. Кроме того, пассивный показатель не обязательно является финальным словообразовательным аффиксом, за ним могут следовать показатели других дериваций. В частности, к пассивным глаголам присоединяется как минимум один из показателей каузатива — *-bta / -btye* в тундровом ненецком и его когнаты в других северносамодийских языках, — а также показатели некоторых аспектуальных дериваций и предикатной множественности.

В примере (10) глагол *xa-da-ra-bta-* является каузативом от пассивного глагола. Примеры на непроемный глагол *xa-* ‘умереть’, каузатив *xa-da-* ‘убить’, пассив от каузатива *xa-da-ra-* ‘оказаться убитым’ иллюстрируются в (8)–(9), так что можно проследить всю

⁴ Поссесивные формы номинатива и аккузатива при обладаемом мн. ч. демонстрируют систематический синкретизм, поэтому *yesy°nyih* может быть также формой аккузатива, но согласование непереходного глагола по 3 л. мн. ч. и все остальные примеры однозначно указывают на то, что при стандартной пассивной диатезе пациентивный участник продвигается в позицию подлежащего и в финитной клаузе маркируется номинативом.

⁵ Ср. свойства канонического пассива по [Siewierska 2005: 434]: «(i) it contrasts with another construction, the active; (ii) the subject of the active corresponds to a non-obligatory oblique phrase of the passive or is not overtly expressed; (iii) the subject of the passive, if there is one, corresponds to the direct object of the active; (iv) the construction is pragmatically restricted relative to the active; (v) the construction displays some special morphological marking of the verb».

⁶ В [Siegl 2013] можно найти три разных вида этой основы (ср. словоформы *modiä-l-id-uš* (sic!), *modi-l-id* и *mod-l-id* и примеры с ними), из которых второй представляется наиболее регулярным.

деривационную историю (полужирным везде выделен последний словообразовательный показатель).

Тундровый ненецкий (с. Антипаюта, Тазовский р-н, ЯНАО)

- (8) *te-myih* *xa-^o*
олень-POSS.1NPL умереть-GFS[3SG.S]
‘У меня умер олень’.
- (9) *ti* *xa-da-ra-wi^o-q,* *sarmyik^o* *xa-da-we-da*
олень умереть-CAUS-PASS-NARR-3SG.R волк умереть-CAUS-NARR-3SG.O
‘Олень оказался убитым, волк его задрал’.
- (10) *xasawa* *te-m-ta* *xa-da-ra-bta-^o*
мужчина олень-ACC-POSS.3SG умереть-CAUS-PASS-CAUS-GFS[3SG.S]
‘Мужчина погубил оленя’.

Ср. также отсутствующий в словарях каузатив *talye-rye-btye-* < *talye-rye-* ‘исчезнуть, пропасть, потеряться; оказаться украденным’ < *talye-* ‘украсть’.

- (11) Тундровый ненецкий (с. Гыда, Тазовский р-н, ЯНАО)
məny^o *yeɣy^o-nyih* *talye-rye-btye-yə-n^o*
я железо.PL-(ACC.)POSS.1SG украсть-PASS-CAUS-SFS-1SG.O.NSG
‘Я допустил, что мои деньги украли’.

Предложение в примере (10) может описывать, например, ситуации, в которых мужчина загонял оленя до смерти, не давая ему отдыха, оставил на привязи слишком надолго, не защитил от нападения волков и пр., т. е. по сути любые ситуации, в которых каузация смерти является опосредованной и концептуализируется как непредумышленное убийство. Сходным образом, (11) предполагает, что говорящий оставил кошелёк в общественном месте, выронил его или оставил открытой входную дверь. Иными словами, каузативные глаголы *xa-da-ra-bta-* и *talye-rye-btye-* описывают действие или бездействие субъекта, приводящее к тому, что некоторый агент или неагентивная причина каузирует наступление результирующего состояния⁷.

По крайней мере для двух обсуждаемых глаголов ситуация в других северносамодийских языках выглядит похожим образом. Ср. нганасанский, где глагол *toli-ri-bti-* обнаруживает идентичную с тундровым ненецким глаголом *talye-rye-btye-* деривационную историю.

НГНАСАНСКИЙ [Brykina et al. 2018]

- (12) *təndə-mti* *toli-biati*
тот-ACC.SG.POSS.3SG украсть-INFER[3SG.S]
‘Вот такое она украла, кажется’.
- (13) *taa-mə* <...> *kontu-ru-sa,* *toli-ri-hiadi-?*
олень-NOM.SG.POSS.1SG увезти-PASS-INF украсть-PASS-INFER-3SG.R
{Эти люди моего сына убили, да еще} ‘моего оленя <...> унесли, украли’.
- (14) *ŋaŋa?sa-nu?* *bad'a-j* *toli-ri-bti-tə-ti-mi-ei*
человек-GEN.PL.POSS.1PL железо-ACC.PL украсть-PASS-CAUS-IPFV-PRS-1DU.S/O-EXCL
‘Чтобы не украли чужие деньги...’, букв. «а то мы допустим, что чужие деньги украдут».

⁷ При этом каузативный аффикс *-bta-* / *-btye-* в тундровом ненецком является показателем общей каузации, т. е. он не специфицирован в отношении выражения непосредственной или опосредованной каузации. Вероятно, тот подтип инволитивно-пермиссивной каузации, который мы наблюдаем в примерах типа (10)–(11) и который может быть охарактеризован как несознательное препятствование, когда каузируемая ситуация оказывается лишь одним из следствий ситуации каузации, никак не контролируемым каузатором, возникает благодаря сочетанию семантического вклада пассивной и каузативной морфем, но этот сюжет выходит за рамки статьи.

Из других дериваций от пассивного глагола в тундровом ненецком образуются дуративы на *-(m)pə/-bə*, итеративы на *-ŋkə*, в ряде случаев стативы, а также отглагольные имена типа *syadolara-bco* ‘чувство стыда, смущение’; в нганасанском, по данным [Wagner-Nagy 2001], — итератив, имперфектив, дуратив, фреквентатив, аттенуатив, инхоатив на *-ʔKƏ*, хабитуалис.

Кроме того, пассивные глаголы образуют большинство нефинитных форм, за исключением пассивного причастия в тех языках, где эта форма существует (в частности, в нганасанском). Ниже приводится пример на отрицательную целевую форму (т. н. эвазив) от пассивного глагола в тундровом ненецком⁸.

(15) Тундровый ненецкий [Терещенко 1965: 233]

xəʷlata *təneq-la-ra-wonkəd*^o *pyi-n*^o*h*
слеза.GEN.PL.POSS.3SG увидеть-PASS-PASS-EVAS пространство.вне.чума-DAT
nyalkarə-^o *pya-*^o*-da*
выскользнуть-CVB начать-GFS-3SG.O

‘Чтобы не были замечены ее слезы, она незаметно вышла на улицу’.

2.3. Маркирование агентивного дополнения в непричастной пассивной конструкции

В нганасанском и лесном энецком, согласно существующим описаниям и примерам в корпусах, агентивное дополнение в непричастной пассивной конструкции оформляется исключительно или преимущественно лативом⁹. В тундровом (а также в лесном) ненецком, где непричастный пассив непродуктивен, судя по всему, не грамматализовался единый способ оформления агентивного дополнения и существует значительная вариативность в этом плане. Между собой конкурируют датив (аналог нганасанского и энецкого латива), локатив и аблатив, при этом с одними предикатами возможны одни из этих стратегий, тогда как с другими — другие; ср. (16)–(17). Аблативное маркирование, по-видимому, возможно, если участник может быть концептуализирован как неагентивная причина (17). Датив редко встречается в качестве первой реакции при элицитации, но с некоторыми экспериенциальными глаголами употребителен только этот вариант, как выше в примере (7) с глаголом *təneq-la-ra* (увидеть-PASS-PASS). Это, вероятно, указывает на то, что для падежного маркирования могут быть важны семантические роли, а не условная синтаксическая позиция исходного подлежащего.

⁸ Генитивное маркирование субъекта возможно при ряде нефинитных форм.

⁹ В [Siegl 2013: 416–417] отмечается, что в речи одного из информантов встречались также агентивные дополнения, маркированные локативом(-инструменталисом), что автор грамматики связывает с влиянием русского языка.

(i) *äki balok kasa äči-gin mä-ra-d-id?*
this balok man youngster-LOC.PL make-PASS-FUT-3SG.R
‘This balok will be built by the sons’ [Siegl 2013: 417].

(ii) *čiki paður äsi-xun-da pađ-ra-d-id?*
this letter father-LOC.SG.POSS.3SG write-PASS-FUT-3SG.R
‘This letter will be written by his father’ [Ibid.].

Тундровый ненецкий (п. Белоярск, Приуральский р-н, ЯНАО)

- (16) *ti sarmyikə-x^ona / sarmyikə-n^oh / *sarmyikə-xəd^o ɲəm-la-re-y^o-q¹⁰*
 олень волк-LOC волк-DAT волк-AVL съесть-PASS-PASS-SFS-3SG.R
 ‘Олень оказался съеден волком’.

- (17) *nye ɲəcyeki^o ɲarka xasawa-xəd^o / xasawa-n^oh*
 женщина ребенок большой мужчина-AVL / мужчина-DAT
syadola-re-y^o-q
 смутить.PASS-PASS¹¹-SFS-3SG.R
 ‘Девочка застенялась взрослого мужчины’.

При этом, в отличие от причастного пассива, агентивное дополнение никогда не оформляется генитивом. Ср. обороты с перфективным причастием от переходного глагола *talye* ‘украсть’ и от пассивного *talye-rye* ‘оказаться украденным’. В первом случае генитив кодирует агенса, во втором — possessора, а агенс выражен именной группой в локативе; ср. также различную позицию генитивных имен в этих случаях.

- (18) *xasawako-h talye-wi^o ti-m xo-ə-m^oh*
 Хасавако-GEN украсть-PT.PFV олень-ACC найти-GFS-1SG.S
 ‘Я нашел оленя, которого украл Хасавако’.
- (19) *ɲəcyeke-x^oqna talye-rye-wi^o lúca-h ti-m xo-ə-w^o*
 ребенок-LOC.PL украсть-PASS-PT.PFV русский-GEN олень-ACC найти-GFS-1SG.O
 ‘Я нашел оленя, которого дети украли у русского’.

2.4. Акциональность пассивных глаголов и набор доступных спряжений

Относительно нганасанского в [Helimski 1998: 510] сообщается, что пассивные глаголы могут быть перфективными и имперфективными в зависимости от того, к какому виду относится производящая основа. В [Гусев 2012: 331] также отмечается, что «пассив, в отличие от каузатива, сохраняет вид производящей основы». Что касается возможности присоединения показателей согласовательных серий, Е. А. Хелимский отмечает, что обычно пассивные глаголы изменяются по рефлексивному спряжению¹², что действительно так, хотя субъектное спряжение также не исключено. Ср. два примера из [Гусев 2012]. В (20) перфективный предельный глагол принимает показатель субъектной согласовательной серии, в (21) имперфективный неопредельный глагол — показатель рефлексивной серии. Последний факт примечателен тем, что рефлексивное спряжение в нганасанском языке, в отличие от тундрового ненецкого, не предполагает, что глагол обязательно имеет предельную интерпретацию в финитных формах. Однако закономерностей маркирования пассивных глаголов показателями той или иной серии не прослеживается.

¹⁰ В произношении этого глагола существует вариативность. В [Терещенко 1990: 321] отмечен вариант *ɲəblara-*, используемый также рядом опрошенных носителей. Также фиксируется вариант *ɲəw(ʰ)lara-*, в том числе в идиомах без стандартной лениции *b*, что, возможно, является результатом переосмысления этого глагола как деривата каузативного глагола *ɲəw^ola-* ‘накормить’, а не исходного переходного *ɲəm-* ‘съесть’.

¹¹ Глагол *syadolara-* ‘застыдиться, застеняться, смутиться’, судя по всему, является «двойным пассивом» от *syadoh-* ‘прстыдить, смутить, заставить почувствовать себя неловко’.

¹² В оригинале опечатка: «They ... are usually conjugated according to the subjectless (вместо “objectless” — И. С.) type» [Helimski 1998: 510].

НГНАСАНСКИЙ [Гусев 2012: 331]

- (20) *tə koi-rj-ʔə nūä-ntə, l'andjrsij-t'i*
 ну оставить-PASS-PF[3SG.S] ребенок-LAT качать.ребенка-PRS[3SG.S]
 'Его оставили с ребенком, он (ребенка) качает'.

- (21) *šičdjrə taani-ə kəi-tənj tahariaiʔ šičdjrj-niʔ*
 окно.GEN тот-ADJ.GEN сторона-LOC теперь окно-PL.POSS.1PL
t'ambi-tə-rj-tj-ndəʔ
 сломать.COMPL-PROGR-PASS-PRS-3PL.R

'За окном (т. е. с другой стороны, с улицы) наши окна ломают' {дело происходит во время пожара}.

В энецких диалектах, по данным [Siegl 2013; Khanina, Shluinsky 2019], пассивные глаголы всегда оформляются согласовательными показателями рефлексивной серии. При этом рефлексивная серия (в работах по энецкому называемая обычно медиальной) оформляет в норме только перфективные (предельные) глаголы, за вычетом трех типов исключений, одним из которых как раз являются пассивные глаголы [Шлуинский 2017: 32; Khanina, Shluinsky 2019], — они оформляются показателями рефлексивной серии даже в том случае, если образованы от имперфективных глаголов, что, однако, случается крайне редко. Ср. пример из тундрового энецкого, в котором пассивный дериват образован от имперфективного глагола 'тащить', однако все равно стоит в форме рефлексивного спряжения.

- (22) Тундровый энецкий [Khanina, Shluinsky 2019: 15]
tea-da nəʔə-bi-za kugoʔ-xoʔo-da,
 reindeer-OBL.SG.3SG catch(PFV)-PRF-3SG.SOSg throat-ABL.SG-OBL.SG.3SG
tea-xa-da uxe-l-e-zo
 reindeer-DAT.SG-OBL.SG.3SG drag(IPFV)-PASS-M-3SG.M

'It (= the wolf) grasped the reindeer by its throat, it is being dragged by the reindeer'.

В тундровом ненецком пассивные глаголы в норме тоже оформляются показателями рефлексивной серии, но для носителей некоторых идиомов иногда допустимы и показатели субъектной серии (однако тотальной проверки возможности оформления пассивных глаголов показателями субъектной серии не проводилось). Примечательно, что формы субъектного спряжения индикатива в таком случае образуются от специальной финитной основы, чего в других случаях в тундровом ненецком не бывает и что в принципе считается невозможным.

- Тундровый ненецкий (п. Белоярск, Приуральский р-н, ЯНАО)
 (23) *məncʰya-xəna-nyih tedolare-yə-dʰm / tedolare-yə-wʰq*
 работа-LOC-POSS.1NPL попасть.под.брань¹³-SFS-1SG.S попасть.под.брань-SFS-1SG.R
 'Меня обругали на работе'.

- (24) *mənyʰ sarmyikə-nʰ / sarmyikʰ-xəna nyəqmʰla-ra-we-dʰm*
 я волк-DAT волк-LOC схватить.INCH¹⁴.PASS-PASS-NARR-1SG.S
 'Я был схвачен волком' (например, во сне).

В тундровом ненецком языке все непереходные глаголы с показателем *-ra/-rye*, которые уместно называть пассивными и которые имеют более или менее прозрачную деривационную историю, являются перфективными и образованы в норме также от перфективных

¹³ Глагол *tedolara-* образован либо напрямую от *tedor-* 'обругать, выругать', либо от переходного *tedola-* 'забранить', отмечаемого в [Пырерка, Терещенко 1948: 82].

¹⁴ Дериват, включающий два показателя пассива, образован от основы *nyəqmə-* 'взять, схватить, поймать' — предположительно, через посредство инхоатива. В словарях, как кажется, этот глагол не встречается.

глаголов. Возможными исключениями из последней закономерности являются глаголы *paue-rye* ‘отець’ и *ueqqa-ra-* ‘накрениться, нагнуть (слегка — в сторону)’, образованные, по-видимому, от непереходных имперфективных глаголов *paue-* ‘быть опухшим’ и *ueqqa-* ‘быть наклоненным (в сторону), накрененным’.

2.5. Модели полисемии пассивного показателя

В нганасанском и энецких языках, в которых существует продуктивный неприсланный пассив, для соответствующего показателя нехарактерна пассивно-рефлексивно-декаузативная полисемия, свойственная пассивным показателям во многих языках; ср. показатель *-ся* в русском и его когнаты в других индоевропейских, *-əv / -u* в мокшанском и пр. Единичные примеры подобного рода, по-видимому, можно обнаружить, хотя надежными их едва ли можно назвать. Ср. приводимый в [Жорник 2018: 25] пример из нганасанского корпуса, где пассивный показатель как будто имеет декаузативное значение.

- (25) НГНАСАНСКИЙ [Brykina et al. 2018]
baarba-ŋku ŋua-ðu biāra-ri-ɔə
 хозяин-DIM.GEN дверь-POSS.3SG открыть(ся)-PASS-PF.3SG.S
 {Когда все уснули,} ‘у хозяина дверь приоткрылась’.

На самом деле неприсланный глагол *biāra-* используется не только как переходный в значении ‘открыть’, но и как непереходный (в формах рефлексивного спряжения) в значении ‘открыться’; примеры такого рода в корпусе не единичны, в отличие от (25). Таким образом, роль пассивного показателя, если здесь представлен он, неочевидна.

Относительно тундрового ненецкого языка, в котором глагольный пассив непродуктивен, сложнее говорить о моделях полисемии, но примеры, в которых пассивный аффикс выражает неконтролируемый рефлексив, есть; ср. тайм. *pəra-da-ra-* ‘обжечься (неожиданно)’ < *pəra-da-* ‘сжечь; обжечь’ < *pəra-* ‘1) сгореть; 2) обжечься’; *temp^ora-ra-* ‘обмануться, ошибиться’ < *temp^ora-* ‘1) б.-з. и м.-з. обмануть; 2) приманить; 3) ям. обмануть в шутку’.

- Тундровый ненецкий [Терещенко 1965: 688]
 (26) *ŋəmke^o syiq-myⁱ temp^ora-ə-n^o?*
 что PRON.ACC-POSS.1SG обмануть-GFS-2SG.S
 ‘Зачем ты меня обманул?’
 (27) *tyiki^o nye-m nyebya-də-n^o pæ^or-ŋa-wə-sy^o,*
 этот женщина-ACC мать-DEST-GEN.POSS.1SG делать-GFS-1SG.O-PST
temp^ora-ra-we-w^oq
 обмануть-PASS-NARR-1SG.R
 ‘Я ошибся, приняв эту женщину за свою мать’.

3. Двойная манифестация пассивной морфологии, отыменные дериваты и лексические ограничения

В этом разделе описываются случаи, в которых пассивный статус показателя *-ra / -rye* менее очевиден. Помимо ситуации, когда от переходного глагола образуется пассивный дериват только с одним или только с двумя пассивными показателями, в отдельных случаях возможны оба варианта. Так, от переходного глагола *xa-da-* (умереть-CAUS) ‘убить; добыть’

фиксируется не только пассивный дериват *xa-da-ra-* (умереть-CAUS-PASS) ‘оказаться пойманным, убитым’, иллюстрируемый выше в примерах (3) и (9), но и *xa-da-ra-ra-* (умереть-CAUS-PASS-PASS), который показан ниже.

(28) Тундровый ненецкий [Терещенко 1990: 67]

ɲoka niχ°-xəna xa-da-ra-ra-ŋku-n°!
многий сила-LOC умереть-CAUS-PASS-PASS-FUT-2SG.R

‘От большой силы ты погибнешь!’ (многие враги тебя уничтожат).

«Двойной пассив», при котором к глагольной основе последовательно присоединяется два одинаковых аффиксальных показателя пассива¹⁵, фиксируется в описаниях тюркских языков: турецкого [Göksel, Kerslake 2005; Özkaragöz 1986], карачаево-балкарского [Lyutikova, Bonch-Osmolovskaya 2006; Lyutikova, Tatevosov 2015] и др. В турецком этот процесс непродуктивный, а семантика двойного пассива, как правило, идиосинкратическая (впрочем, согласно существующим описаниям, после повторной пассивизации может и не происходить никаких изменений в семантике). В [Göksel, Kerslake 2005: 136] отмечается, что при неоднократной пассивизации первый показатель имеет «интранзитивизирующую» функцию, а уже второй — именно пассивную, однако в указанной работе это положение более никак не поясняется¹⁶.

Более интересны семантические эффекты, вводимые двойным пассивом в карачаево-балкарском языке. Согласно [Lyutikova, Bonch-Osmolovskaya 2006], они делятся на две группы: вводящие каузативное подсобытие и описывающие повторное осуществление события. Эти группы включают большой комплекс различных значений (волитивность, интенсивность, повторение кульминационной стадии события, внешний каузатор), сближающих пассив с каузативом в функциональном отношении. Более детальный разбор балкарских данных см. в статье [Lyutikova, Tatevosov 2015], где предполагается, что пассив на самом деле всегда соединяется с переходной структурой, а каузальная интерпретация двойного пассива возникает благодаря скрытой каузативизации и каузативной коэрсии.

Эффекты, вводимые двойным пассивом в тундровом ненецком, с трудом поддаются описанию. Иногда как будто можно неформально говорить об операциях над параметром интенсивности или об эмпазе на осуществлении события. Так, в связи с (28) информанты предлагают пояснение, что ситуация произойдет непременно. Однако сравните следующие примеры, в которых глагол с одним показателем *-ra* и глагол с двумя *-ra* являются пассивными дериватами, образованными в итоге от одного переходного глагола *ɲuq-* ‘1) подуть; 2) раздуть (огонь)’. В своих основных значениях они очень близки, но *ɲuq-la-* (29), в отличие от *ɲuq-la-ra-* (30), предполагает моментальное исчезновение объекта из поля зрения наблюдателя.

Тундровый ненецкий (с. Антипаюта, Тазовский р-н, ЯНАО)

(29) *səta myercya-xəd° səwa-myih ɲuq-le-y°-q,*
быть.сильным.PT.IPFV ветер-ABL шапка-POSS.1NPL подуть-PASS-SFS-3SG.R

tənesu° yaqmtə-ə-w°
увидеть.CVB не.мочь-GFS-1SG.O

‘Сильным ветром сдуло / унесло шапку, не могу увидеть <куда>’.

¹⁵ Двойная пассивная конструкция, в которой одна из пассивных форм является нефинитной, а другая — финитной, встречается во многих языках, например в литовском, английском и ряде других индоевропейских.

¹⁶ Многие теоретические подходы предполагают, что пассивы не могут быть пассивизованы, поэтому данные языков типа турецкого представляют особый интерес как возможные контр-примеры для таких обобщений; ср., в частности, недавнюю статью [Legate et al. 2020], где утверждается, что двойной пассив в турецком на самом деле является имперсоналом от пассива, т. е. идентичная морфология «озвучивает» два различных процесса.

- (30) *səta* *myercya-xəd°* *səwa-myih* *púq-la-re-y°-q*,
 быть.сильным.ПТ.ІPFV ветер-ABL шапка-POSS.1NPL подуть-PASS-PASS-SFS-3SG.R
pon°h *təwǫdǫ-ə-w°*
 долго догонять-GFS-1SG.O

‘Сильным ветром сдуло / унесло шапку, долго догонял’ {постепенно, виден процесс}.

О двойном пассиве от глагольных основ в собственно пассивной конструкции в тундровом ненецком языке мало что можно сказать вполне уверенно, но, в отличие, например, от двойного пассива в карачаево-балкарском [Lyutikova, Bonch-Osmolovskaya 2006; Lyutikova, Tatevosov 2015], он точно не может вводить каузативное подсобытие или же обозначать повторное осуществление события — и, по-видимому, едва ли является отдельной регулярной деривацией со своей собственной семантикой.

Тем не менее есть особый класс случаев двойной манифестации морфемы *-ra / -rye*, представляющий специальный интерес. В примерах (31)–(32) иллюстрируется пассив от связанной основы *sawoq-*, более нигде в тундровом ненецком языке не фиксируемой, но очевидным образом имеющей непосредственное отношение к существительному *sawo* ‘разлив, наводнение’¹⁷. Когда пассивный дериват предположительно связан с именной основой, он в норме включает два вхождения аффикса *-ra / -rye*, что мы и наблюдаем в (31)–(32), где говорится о последствиях наводнения для субъекта. При этом в позиции подлежащего пассивной клаузы в одном случае оказывается говорящий, а в другом — его обладаемое (точнее, группа, в которую он входит, и ее обладаемое соответственно).

Тундровый ненецкий (с. Гыда, Тазовский р-н, ЯНАО)

- (31) *tənyaq sawo-q-la-re-y°-wacy°* / **sawo-q-le-y°-wacy°*
 мы.PL разлив-Q-PASS-PASS-SFS-1PL.R.PST разлив-Q-PASS-SFS-1PL.R.PST
 ‘Мы оказались залиты половодьем’.
- (32) *tənyaq əmke-ryi-naq sawo-q-la-re-y°-dəcy°* / **sawo-q-le-y°-dəcy°*
 мы.PL что-RESTR-POSS.1PL разлив-Q¹⁸-PASS-PASS-SFS-3PL.R.PST разлив-Q-PASS-SFS-3PL.R.PST
 {Этой весной было очень сильное наводнение.} ‘Наши вещи промокли...’

Современным носителям восточных говоров тундрового ненецкого языка дериват с одним пассивным аффиксом от основы *sawo(-q)-*, как правило, вообще незнаком. При этом на него можно найти пример в словаре. Как видно из (33), глагол с одним показателем *-ra* может описывать разлив самой реки (аналогичный глагол фиксируется также в нганасанском языке).

- (33) Тундровый ненецкий [Терещенко 1965: 519]
yəxa sawo-q-le-y°-q
 река разлив-Q-PASS-SFS-3SG.R
 ‘Река разлилась’.

Если возводить структуру *sawo-q-la-ra-* непосредственно к безличному (нульместному) предикату, выражаемому именной основой *sawo* ‘разлив, наводнение’, то получается, что участник, занимающий в таких случаях позицию подлежащего при двойном пассиве, не является аргументом исходного предиката, а количество участников увеличивается с нуля до одного. Таким образом, примеры типа (31)–(32), несмотря на морфологическое сходство, с точки зрения синтаксиса весьма далеко отстоят от случаев, рассмотренных выше.

¹⁷ Согласно словарю [Salminen 1998: 324], и глагол *sawoqlara-* ‘стать разлившимся’, и существительное *sawo* ‘наводнение, разлив’ восходят к связанной основе SAWΘ², фиксируемой также в словах *sawibyo-* ‘медленно передвигаться, раздвигая воду ногами’ и *sawir-* ‘странствовать, скитаться без особой на то потребности’.

¹⁸ Гортанный смычный в таких примерах отделяется от именной основы и условно глоссируется как Q.

Однако если считать, что пассивизации в примерах типа (31)–(32) предшествует аппликативизация, то сходство между различными типами пассива на *-ra* / *-rye* можно считать значительным. При таком подходе можно полагать, что показатели пассива обеспечивают лишь пассивную диатезу, а новый участник в структуру ситуации добавляется с помощью операции аппликативизации.

В принципе, т. н. «глухой» гортанный смычный *q* (точнее, глубинный морфонологический *S*, с которым он, в частности, чередуется) может выступать в том числе в качестве вербализатора и образовывать прежде всего переходные глагольные основы от именных, но глагол «*sawoq*» в тундровом ненецком в любом случае не фиксируется.

Важный факт заключается в том, что в современном тундровом ненецком языке для примеров типа (31)–(32), по-видимому, нельзя привести аналогичные (активные) переходные клаузы. Таким образом, даже если считать, что в морфологическом отношении элементы *-ra* в глаголах *sawo-q-la-ra* и *təneq-la-ra* идентичны, а поверхностный синтаксис предложений, включающих их, в чем-то схож, анализировать примеры типа (31)–(32) как стандартный пассив в любом случае невозможно.

Другие примеры двойных пассивов, восходящих к именной основе, включают *ɲobo-q-la-ra* ‘почувствовать потребность в поддержке’ < *ɲob* ‘один’, *sesye-q-la-ra* ‘попасть в бедственное положение, оказаться в беде’ < *sexə* ‘4) затруднение, беда’, *syedyala-ra* ‘покрыться инеем, изморозью’ < *syedyah* ‘иней, изморозь’, *syiŋke-q-la-ra* ‘заболеть цингой’ < *syiŋke* ‘цинга’, *xanuy^o-q-la-ra* ‘стать нездоровым, болезненным, больным’ < *xanuy^o* ‘нездоровый, болезненный, больной’ и др. В большинстве случаев такие двойные пассивы, восходящие к именным основам, используются в физиологических, метеорологических или близких к ним контекстах (34)–(36), но в общем случае не ограничены ими (37).

Тундровый ненецкий

- (34) *ɲoka-w^ona* *ɲuo-n^o* *xonuy-q*, *syiŋke-q-la-ra-ŋku-n^o*
 многоий-PROL NEG.IMP-2SG.S спать-CN цинга-Q-PASS-FUT-2SG.R
 ‘Не спи много, заболеешь цингой’ [Терещенко 1965: 561].

- (35) — Ява” нюдя(“)ларэй”, тэва” жокамда. Няхар” ёнаркад’ вата тэхэна несэй я тара, нядада” тянё(“)ларэй”.

ya-waq *nyudya-(q)-la-re-y^o-q*, {...} *nyadə-daq*
 земля-POSS.1PL маленький-Q(?)¹⁹-PASS-PASS-SFS-3SG.R ягель.PL-POSS.NSG.2PL
tyanyo-(q)-la-re-y^o-q
 мало-Q(?)¹⁹-PASS-PASS-SFS-3SG.R

‘Земля наша уменьшилась,’ {олений стало больше. Для трех с лишним тысяч олений новая земля нужна,} ‘ягеля стало мало’ («Ялумд»), № 129 (20188) от 27 ноября 2014 г.).

- (36) Мальцами’ варувнанда ɲани’ ɲобахаюни’ нямна седяларавы”²⁰.

mal^oсуа-муйh *waru-w^ona-nta* *ɲаныh* *ɲоба-хэуи-nyih* *ɲуа-мна*
 малица-POSS.1NPL край-PROL-POSS.3SG снова рукавица-DU-GEN.POSS.1NPL y-PROL
syedyala-ra-wi^o-q
 иней.PASS-PASS-NARR-3SG.R

‘На мне малица заиндевила по краям да на рукавицах’ (А. Ледков. Вадако” Ларь).

¹⁹ С учетом того, что в текстах статей на сайте <http://nvinder.ru/gubric/yalumd> часто пропускаются не только конечные, но и срединные «глухие» гортанные смычные, можно предложить такую конъектуру. Впрочем, не исключено, что в процессе деривации мог быть задействован показатель, состоящий из «звонкого» гортанного смычного, который в обязательном порядке выпал бы перед следующим согласным и, как и «глухой», вызвал бы переход *r* → *l*. Как бы то ни было, ни глаголы «*nyudyaq*», «*tyanyoq*», ни глаголы «*nyudyah*», «*tyanyoh*» не отмечены в словарях — Впрочем, как и иллюстрируемые пассивы.

²⁰ Использование гортанных смычных унифицировано и уточнено.

Глагол *syedyalara-* с точки зрения морфологической структуры стоит несколько особняком, потому что демонстрирует, что двойной пассив от именной основы не обязательно образуется через посредство «глухого» гортанного смычного (в данном случае никакого промежуточного элемента нет, *syedyah* ‘иней’ + *-ra* + *-ra* дает как раз *syedyalara-*; ср. запись SYETYANG RA RA в морфонологическом словаре Т. Салминена [Salminen 1998: 203]). С другой стороны, глагол *syedyalara-* показывает, что двойной пассив от именной основы может не иметь ничего общего с синхронно фиксируемой переходной глагольной структурой от той же именной основы. Так, от имени *syedyah* (точнее, от основы аккумулятива мн. ч. *syedyaho-*) образован зафиксированный в словаре Н. М. Терещенко [1965: 541] переходный глагол *syedyaho-q-* ‘покрыть инеем’. Таким образом, образованный по всем правилам двойной пассив от переходного глагола, образованного от именной основы, выглядел бы как «*syedyahoqlara-*».

В примере (37) демонстрируется не отражаемый словарями тундрового ненецкого пассивный глагол, также образованный от связанной основы, имеющей непосредственное отношение к имени *pun*^o ‘1) вера; 2) признак, примета’²¹. Промежуточным элементом между именной основой и глагольной морфологией оказывается, как и в большинстве предыдущих примеров, «глухой» гортанный смычный. При этом снова лишь дериват с двумя показателями пассива признается информантами грамматичным. Различия в аргументной структуре между *pun*^o-*q-la-ra-* и двойными пассивами выше (*pun*^o-*q-la-ra-* допускает синтаксическое выражение двух участников — экспериенцера в локативе и стимула в номинативе), по-видимому, могут быть связаны с различиями в аргументной структуре исходных предикатов (*pun*^o отличается в этом отношении и от *syinje*, и от *nyudya*, и от *noh*).

(37) Тундровый ненецкий (с. Гыда, Тазовский р-н, ЯНАО)

tyuku^o *nyenesu*^h *mənyu*^o *nyə-na-nyih* *pun*^o-*q-la-re-y*^o-*q* /
 этот человек я у-LOC-POSS.1NPL примета-Q-PASS-PASS-SFS-3SG.R

**pun*^o-*q-le-y*^o-*q*
 примета-Q-PASS-SFS-3SG.R

‘Этот человек стал мне известен’.

Наконец, в (38)–(39) мы имеем дело с двумя дериватами от надежной непереходной глагольной основы *xopa-* ‘лечь спать’ — «пассивный» глагол с одним показателем *-ra* регулярно используется всеми информантами в значении ‘уснуть’²², а «пассивный» глагол с двумя показателями *-ra* большинством информантов трактуется как ‘проспать’²³.

²¹ Ср. пример употребления в (i), а также глагольные дериваты вроде *puno-m-* (примета-TRSF) ‘выясниться, стать ясным, уточниться’, *pun*^o-*syə-* (примета-V.CAR) ‘быть непонятым, неопределенным, неприметным, неясно очерченным; быть неизвестным’.

(i) *pí-nyə-h* *səl-mə-ntoh* *pun*^o-*da* *yəŋku*
 задняя.часть-у-ДАТ вернуться-NMLZ.IPFV-GEN.POSS.3PL примета-POSS.3SG отсутствовать.GFS[3SG.S]
 ‘Вернутся ли они назад, неизвестно’ [Терещенко 1965: 488].

²² Такая же ситуация отмечается в лесном энецком, где *kəda-ra-* ‘уснуть’ < *kəda-* ‘лечь спать’. В словаре [Сорокина, Болина 2009] вторым значением глагола *kəda-ra-* дается также ‘лечь (спать)’, однако это, возможно, результат позднейшего смешения.

²³ Для некоторого числа носителей тундрового ненецкого данное значение возможно и при одном пассивном показателе; в других северносамодийских идиомах ситуация может варьировать. В корпусе лесного энецкого языка О. В. Ханиной и А. Б. Шлуинского встречается как минимум один пример с двумя показателями *-ra* от когнатной основы — *kədararibi?*, который переводится ‘я как-то незаметно уснул’. В пуровском говоре лесного ненецкого (с. Халыасавэй) и значение ‘незаметно уснуть’, и ‘проспать’ возможны для глагола с одним пассивным показателем (по крайней мере, в формах нарратива), а глагол с двумя пассивными аффиксами не используется. Впрочем, для ‘проспать’ в лесном ненецком языке обнаруживается еще одна возможность — каузативизация

В примерах (38)–(39) ни значения обоих дериватов, ни само их существование не являются ожидаемыми.

- (38) Тундровый ненецкий (с. Гыда, Тазовский р-н, ЯНАО)
ḡəsyeki° myin°-xə-nta *xona-re-y°-q*
 ребенок движение-DAT.POSS-POSS.3SG лечь.спать-PASS-SFS-3SG.R
 ‘Ребенок быстро уснул’.

- (39) Тундровый ненецкий (п. Белоярск, Приуральский р-н, ЯНАО)
(tənc°ya-xə-nyih) *xona-ra-ra-yə-w°q²⁴*
 работа-DAT.POSS-POSS.1NPL лечь.спать-PASS-PASS-SFS-1SG.R
 ‘Я проспал (<и опоздал> на работу)’.

В этом месте необходимо задать давно назревший вопрос: существуют ли свидетельства, позволяющие говорить, что во всех примерах, рассмотренных выше, и прочих им подобных представлены производные глаголы, образованные с помощью одного и того же «пассивного» показателя? Однозначного ответа на этот вопрос скорее нет, однако некоторые аргументы в пользу положительного ответа можно найти. Главным аргументом является то, что во всех надежных случаях, которые логично идентифицировать как пассивные, с помощью показателей *-ra / -rye*²⁵ образуются **непереходные перфективные глаголы, изменяющиеся в норме по рефлексивному спряжению**, при этом на исходный предикат не накладывается особых ограничений; он может быть нульместным, одноместным, двухместным переходным. Таким образом, о пассиве на *-ra / -rye* можно думать как о деривации, ориентированной на результат, а не на источник (ср. *product-oriented vs. source-oriented generalizations* в [Bybee 1995] и попытку применения данных понятий к синтаксическим процессам в [Летучий 2014]).

Кроме того, в абсолютном большинстве известных случаев двойного пассива и во многих случаях обычного пассива от глагольных основ в тундровом ненецком либо значение самой исходной основы предполагает, что некоторый участник оказывается отрицательно затронут ситуацией (*xə-da-ra-* ‘оказаться убитым’, *talye-rye-* ‘оказаться украденным’, *syihke-q-la-ra-* ‘заболеть цингой’, *sesye-q-la-ra-* ‘оказаться в беде’ и т. п.), либо этот семантический компонент возникает некоторым образом — в результате прагматического вывода или схожего механизма — в контексте использования пассивного деривата. Так, предложения заслуживают глаголом *təneq-la-ra-*²⁶ (типа (7), ‘Я оказался увиденным дедушкой’) могут быть, согласно пояснениям информантов, уместны, например, в ситуациях, когда

пассивного глагола, при которой в позицию прямого дополнения продвигается цель; ср. следующий пример.

- (i) *tənc°ja-j°* *kona-la-pta-mä-t°*
 работа-(ACC.)POSS.1NPL лечь.спать-PASS-CAUS-NARR-1SG.S
 ‘Я проспал работу’.

²⁴ В этом диалекте *a* на конце основы нерегулярно переходит в *e* перед показателем специальной финитной основы.

²⁵ Заведомо другой формант *-ra / -rye* содержит ряд имперфективных глаголов процесса и состояния, во многих случаях образующихся от связанных основ; ср. *tirc°-ra-* ‘1) трястись, подпрыгивать (при тряской езде); 2) скакать верхом (на лошади)’, *lyiw°-ra-* ‘колышаться (о чем-л. пушистом, распушившемся)’ и др.; обзор данной группы см. в [Урманчиева 2020: 589–596]. Отдельного обсуждения заслуживают глаголы на *-ra / -rye*, изменяющиеся как переходно, так и непереходно по рефлексивному спряжению; см. некоторые замечания о них ниже.

²⁶ Глагольная основа *təneq-* ‘увидеть’, по крайней мере с диахронической точки зрения, является членимой и производной; ср. *tənyue-* ‘видеть’, образованный от того же корня МӨНЕ, согласно морфонологическому словарю [Salminen 1998: 255]. По аналогии с двойными пассивами от именных основ можно предположить, что двойная манифестация пассивного показателя может быть

говорящий, маленький мальчик, курил или совершал какое-либо другое предосудительное действие и был застигнут врасплох²⁷. Глагол *pun^o-q-la-ra-*, образованный от связанной основы и восходящий в конечном итоге к имени *pun^o* ‘признак, примета’, употребляется преимущественно в ситуациях, когда кто-либо доверился кому-либо, что имело отрицательные последствия.

В отличие от нганасанского, тундрового и лесного энецкого²⁸, глагольный пассив в тундровом ненецком оказывается очень ограничен лексически: в тундровом ненецком нет дериватов с показателем *-ra / -rye* (как и в лесном ненецком — с соответствующим когнатным показателем) ни от глагола ‘привезти, отвезти’, ни от глагола ‘сделать’, ни от большинства других переходных агентивных глаголов, относительно которых можно ожидать, что они будут допускать образование пассива, если в языке существует сколько-нибудь продуктивная пассивизация. Подобные глаголы в тундровом ненецком можно подвергнуть пассивизации только с помощью причастного пассива.

На статус той семантической доминанты, которая предположительно могла бы объединить большинство случаев употребления «пассивной» морфологии в тундровом ненецком, на первый взгляд весьма разрозненных, претендует компонент, который в первом приближении можно истолковать так: ситуация Р отрицательным образом затрагивает одного из участников — либо субъекта (участника в позиции подлежащего), если субъект личный (/ одушевленный), либо его обладателя, если субъект неличный (/ неодушевленный).

Семантический статус этого компонента нуждается в изучении, пока это лишь гипотеза. Более того, степень его обязательности может варьировать, и нейтральные употребления глаголов с обсуждаемым показателем, не предполагающие отрицательную задействованность одного из участников, по-видимому, существуют. Однако среди двойных пассивов от имен и дериватов на *-ra / -rye* от надежно идентифицируемых глагольных основ адверсативное ядро выделяется достаточно четко²⁹. Не исключено, впрочем, что круг рассматриваемой глагольной лексики, удовлетворяющей морфосинтаксическим условиям, названным выше — глагол с показателем *-ra / -rye* является непереходным, перфективным и изменяется по рефлексивному спряжению, — может являться результатом частичной унификации нескольких моделей с различными формантами *-ra / -rye*. Так, особняком

связана с наличием в структуре «глухого» гортанного смычного *q* (S). (Отдельный вопрос состоит в том, является ли МӨНЕ именной по происхождению основой.)

²⁷ См. также выше пример (15), который описывает, как девушка незаметно выходит из чума, чтобы никто не увидел ее слез.

²⁸ Энецкая ситуация нуждается в особом изучении, но ср. следующий показательный пример из тундрового энецкого языка, где пассив от переходного глагола употребляется закономерным образом в соответствии с общей логикой помещения незначимых агентов в фон. Подлежащими при пассиве в данном примере оказываются ‘посуда’ и ‘мясо’, но наиболее топикален в этом фрагменте дискурса именно их проспективный посессор.

(i) *suroko-ðo-ða* *mi-le-ðo?*, *ud'a-ðo-ða* *pu-le-ðo?*
 посуда-DEST-POSS.3SG дать-PASS-3SG.R мясо-DEST-POSS.3SG положить-PASS-3SG.R
 {— Накорми его, он, наверное, есть хочет.} ‘Дали ему посуду, положили ему мяса’ («Солда»).

²⁹ Среди двойных пассивов, восходящих к именным основам, на данный момент мне известно о существовании (по крайней мере, в некоторых идиомах) одного глагола, не вписывающегося в названное обобщение. Это глагол *səwa-q-la-ra-* (хороший-Q-PASS-PASS), не отмеченный в словарях, но признаваемый носителями гыданского говора (с. Гыда). По словам информантов, его можно использовать, например, когда человек показал себя с хорошей стороны, оказался на хорошем счету и т. п. Если негативную концептуализацию для данного случая нельзя реконструировать, возможно, более уместно говорить о том, что отыменные двойные пассивы предполагают сильную задействованность одного из участников, которая может быть как отрицательной, так и положительной, т. е. (скрытая) аппликативизация позволяет включить в состав участников ситуации как малефицианта, так и бенефицианта.

стоит ряд глаголов на *-bta-ra*³⁰, которые обнаруживают определенные сходства с «образными глаголами» в терминах [Урманчиева 2020] и отличаются от непроемных глаголов трудноуловимыми семантическими параметрами.

4. Адверсатив: типологические параллели

Если адверсативная линия анализа, намеченная выше, на верном пути и релевантна по крайней мере для двойных пассивов от именных основ, важно попытаться понять, из какого источника конструкция (или ряд конструкций) с такой семантикой могла возникнуть. В этой связи кажется необходимым привести некоторый типологический контекст. Термин «адверсативность» в интересующем нас смысле³¹ обычно понимают как отрицательную задействованность некоторого участника, нежелательный или неблагоприятный характер ситуации для него, хотя строгие определения сложно найти в литературе. Адверсативом называют тогда конструкцию или категорию, которая призвана маркировать адверсативность. Несмотря на то, что статус этого семантического компонента прежде всего модальный, оценочный, адверсатив зачастую эксплуатирует конструкции, маркирующие различные актантно-значимые преобразования. Чаще всего адверсатив оказывается связан с пассивной морфологией, в литературе можно найти свидетельства существования адверсативных каузативов, а также описания особой роли аппликативных показателей или скрытой аппликативизации в деривации адверсативных конструкций.

Большинство обобщающих работ по типологии адверсатива как будто не существует, однако можно назвать языки и ареалы, в связи с которыми это понятие чаще всего обсуждается. Прежде всего, это японский [Wierzbicka 1979; Oehle, Nishio 1981; Washio 1993; Shibatani 1994; Pykkänen 2000] и корейский [Chung 1993], многие языки Юго-Восточной Азии, в том числе австронезийские — например, малайские идиомы [Nomoto, Kartini 2012], — эвенский [Malchukov 1993] и эвенкийский [Nedjalkov 1991] из числа языков Северной Евразии, а также салишские [Kiyosawa, Gerdtts 2010; Gerdtts 2012] и некоторые другие языки Северной Америки³².

³⁰ Сочетание формальных показателей каузатива и пассива в их составе, на первый взгляд, несколько парадоксальным образом работает на одновременное повышение и понижение переходности, но показатель *-bta* связан скорее с той или иной операцией над параметром интенсивности, чем с собственно каузативизацией, даже если соответствующий каузатив зафиксирован. Ср. толкования из словаря [Терещенко 1965]: *lidabtarā*- III '1) растеряться [сильнее, чем по гл. *lida*- III]; 2) сбиться, ошибиться в ком-чем-л.; 3) забыть, впасть в задумчивость' при *lida*- II '1) пропустить, прозевать, просчитаться; 2) забыть, позабыть', *lida*- III 'растеряться', *lidabta*- II '1) пропустить, прозевать, просчитаться; 2) забыть, позабыть', *lidabta*- III м.-з. 'растеряться'; *pūdabtarā*- II-III '1. пропустить что-л., опоздать (случайно). 2. опоздать (случайно)' при *pūdabta*- III б.-з. 'опоздать (немного)', *pūda*- II-III '1. запоздать, опоздать. 2. отстать от кого-чего-л.'; *pələbatarā*- III 'заразиться' < *pələbta*- II-III '1. 1) макнуть, обмакнуть что-л. во что-л.; 2) прилепить, запачкать что-л. чем-л.; 3) заразить кого-л. чем-л. 2. прилипнуть, пристать' < *pəla*- III '1) пристать, прилипнуть к чему-л.; 2) заразиться'; (*pi*- ~) *pusabtarā*- III 'удивиться, изумиться (неожиданно)' при *pisa*- 'удивиться, поразиться, изумиться' и др. (В словаре Н. М. Терещенко II типом считаются переходные глаголы, изменяющиеся по субъектно-объектному и (тривиальному, в терминах [Татевосов 2016]) субъектному спряжению, а III типом — непреходные глаголы, изменяющиеся по рефлексивному спряжению. Здесь и далее эта нотация используется лишь для краткости.)

³¹ При описании союзов, дискурсивных частиц и т. п. языковых средств встречается также понимание адверсативности как противительности и противопоставленности.

³² Ср. используемый в [Плунгин 1998: 40] применительно к одной из конструкций в языках догон (прежде всего, в томмо-со) термин «эвентуальный пассив», «обозначающий неожиданную,

В японском адверсативную интерпретацию может иметь как пассивная (40), так и каузативная (41) морфология, хотя на эти две адверсативные конструкции наложены различные ограничения.

Японский [Pylkkänen 2000: 204]

- (40) *Taroo-ga musuko-ni sin-are-ta.*
Taro-NOM son-DAT die-PASS-PST

‘Taro’s son died on him’.

- (41) *Taroo-ga musuko-o sin-ase-ta.*
Taro-NOM son-ACC die-CAUS-PST

a. ‘Taro caused his son to die’.

b. ‘Taro’s son died on him’.

В эвенском языке А. Л. Мальчуков [Malchukov 1993; Мальчуков 2008: 92–102] выделяет пять типов адверсативных конструкций с точки зрения наблюдаемых актантных преобразований по сравнению с соотносимой активной конструкцией, если таковая существует. В одном типе адверсативный сценарий сопровождает прототипическую пассивную диатезу (42); в этом типе используются прежде всего переходные глаголы, семантика которых предполагает негативное воздействие на объект, а нейтральные глаголы, по А. Л. Мальчукову, требуют специальных контекстов, указывающих на нежелательную затронутость субъекта. В другом типе конструкция образуется от нульместных безличных глаголов, описывающих атмосферные явления, и предполагает нежелательное воздействие стихий на участника в позиции подлежащего; соотносимой активной диатезы в таких случаях не имеется (43). В третьем типе пассив образуется от непереходных глаголов движения и описывает негативное воздействие на субъекта, связанное с неожиданным появлением другого участника³³, который выражается формами датива, как и стандартное агентивное дополнение (44). Еще два типа тесно связаны с наличием посессивных отношений между двумя участниками и различаются прежде всего переходностью исходных основ (45)–(46).

Эвенский [Malchukov 1993: 369–370]

- (42) *etiken nugde-du ma-v-ra-n*
old.man bear-DAT kill-ADV-NFUT-3SG

‘The old man was killed by the bear’.

- (43) *etiken (imanra-du) imana-v-ra-n*
old.man snow-DAT snow-ADV-NFUT-3SG

‘The old man is caught by the snowfall’.

- (44) *mut (arisag-du) eme-v-re-p*
we ghost-DAT come-ADV-NFUT-1PL

‘A ghost came to us’ (we were negatively affected).

- (45) *huličan bödel-i ene-le-v-re-n*
fox feet-POSS.REFL.SG hurt-INCH-ADV-NFUT-3SG

‘The fox’s paws began to hurt’ ([s]/he was negatively affected).

- (46) *etiken nugde-du gia-j ma-v-ra-n*
old.man bear-DAT friend-POSS.REFL.SG kill-ADV-NFUT-3SG

‘The bear killed the old man’s friend’ (the old man was negatively affected).

непроизвольную или нежелательную ситуацию и выражаемый с помощью каузативного показателя; о каузативно-пассивной полисемии см. также [Plungian 1993].

³³ См. наблюдения о свойствах (и конструкторизации) похожего типа пассива от глаголов направленного движения в казымском хантыйском в [Муравьев 2022].

А. Л. Мальчуков [2008: 101] считает адверсатив вроде эвенского «гибридной» глагольной категорией, занимающей промежуточное положение между пассивом и (инвольтивным) пермиссивным каузативом. Ни каузативный, ни пассивный анализ адверсативных конструкций, как отмечает Мальчуков, не могут в полной мере объяснить все типы, наблюдаемые в эвенском языке, однако их можно рассматривать как континуум от прототипического каузатива к прототипическому пассиву. В заключении раздела об адверсативных конструкциях [Там же: 102] А. Л. Мальчуков предлагает следующую шкалу, «призван[ую] отразить взаимные связи смежных значений и ограничить полисемию залоговых показателей»:

(47) фактитив — пермиссив — адверсатив — пассив

По мысли автора, эта шкала³⁴ предсказывает, что формы, для которых характерна каузативно-пассивная полисемия, «должны включать в свой семантический потенциал» также промежуточные значения [Там же] (под прототипическим каузативом при этом, очевидно, понимается фактитив). Последнее утверждение представляется слишком сильным, если учесть ограниченность обсуждаемого материала. Кроме того, не очень понятно, как соотносится предлагаемая шкала с более известным в литературе путем грамматикализации пассива из каузатива, который обсуждается, например, в [Haspelmath 1990: 46–49] (со ссылками на [Gabelentz 1861; Кормушин 1976; Keenan 1985]), в соответствии с которым промежуточное звено между собственно каузативом и пассивом представляют рефлексивно-каузативные употребления типа того, что наблюдается в следующем примере из английского: *I have myself shaved by the barber*. Если пермиссив на шкале А. Л. Мальчукова можно по крайней мере частично отождествить с рефлексивно-каузативными употреблениями, то статус адверсатива как обязательной стадии развития из каузатива в пассив представляется маловероятным³⁵ — исходя из того, что в целом известно о каузативно-пассивной (и шире — о т. н. «акцессивно-рецессивной») полисемии, омонимии, каузативно-пассивном (и вообще залоговом) синкретизме и прочих типах изоморфизма (см. [Недялков 1964; Кормушин 1976; Nedjalkov 1991; Галямина 2001; Robbeets 2007; Schulze, ms.; Bahrt 2020] и др.). Тем не менее наличие у адверсативно-пассивной формы также инвольтивно-пермиссивных употреблений, по-видимому, может служить ключом к пониманию возможных путей грамматикализации адверсативных конструкций. О том, насколько данные тундрового ненецкого языка совместимы с этой схемой, см. следующий раздел.

Наконец, упомянем еще одну малозаметную, но важную для целей этой работы типологическую параллель, а именно существование в салишских языках небольшого множества адверсативно-пассивных глаголов, которые используются прежде всего в метеорологических или физиологических контекстах, не имеют активных форм и всегда выступают в безагенсном пассиве, при этом образуются как от некоторых глагольных, так и от ряда именных основ. Они, как правило, содержат в себе также аппликативную морфологию, а именно показатели, называемые в описаниях салишских языков «реляционным аппликативом» (*relational applicative*), которые в норме образуют от непереходного предиката переходный, добавляя в позицию прямого объекта участника, который не является семантическим аргументом исходного предиката, а скорее имеет более опосредованное отношение к ситуации, т. е. имеет роль не темы, а, например, стимула, цели, бенефицианта или малефицианта [Kiyosawa, Gerdts 2010: 51–52ff.]. Ср. ниже примеры на обычный

³⁴ Чем предлагаемая шкала отличается от обычной семантической карты и насколько строго она удовлетворяет ограничениям на подобные объяснительные инструменты, из краткого описания не до конца ясно.

³⁵ В [Haspelmath 1990] адверсативность как таковая не обсуждается, но упоминается «затронутость» (*affectedness*) пациенса как одна из возможных семантических связей между (по крайней мере некоторыми) каузативными и пассивными конструкциями.

агентивный пассив (48), безагенсный адверсатив от «погодного» предиката (49) и адверсатив от имени (50).

ХАЛКОМЕЛЕМ (диалект Hulqumínuṃ)

(48) *niʔ čew-ə-t-əm ʔə kʷθə-nə silə tə steniʔ*
 AUX help-TR-PASS OBL DET-1SG.POSS grandparent DET woman

‘The woman was helped by my grandfather’ [Gerdts 2012: 6].

(49) *niʔ ləməxʷ-t-əm kʷθə-nə ʃəʃθəm niʔ s-ʔeʔʔq*
 AUX rain-TR-PASS DET-1SG.POSS box.PL AUX ST-outside

‘My boxes that were outside got rained on’ [Ibid.: 8].

(50) *kʷələ-t-əm*
 stomach-TR-PASS

‘get diarrhea’ [Ibid.]

Ситуация, при которой одна и та же морфология маркирует стандартную пассивную диатезу с агенсом, который может быть выражен поверхностно, а также образует адверсативные пассивы от нульместных предикатов и именных основ, во многих отношениях напоминает рассматриваемое здесь положение вещей в тундровом ненецком языке. Основные различия состоят в том, что в примерах из языка халкомелем всегда присутствует транзитивизирующая морфология, даже в случае глаголов *passiva tantum*, тогда как в примерах на отыменной адверсатив в тундровом ненецком промежуточный элемент *q* (S), возможно, фигурирует не всегда и его статус менее ясен (хотя он и может быть тоже связан с вербализатором-транзитивизатором). Кроме того, ненецкие примеры на адверсатив от имен содержат два вхождения «пассивного» показателя.

5. Сколько есть морфем *-ra* / *-rye* и при чем здесь спряжения?

Как отмечалось выше, в тундровом ненецком есть заведомо другой формант *-ra* / *-rye*, образующий ряд имперфективных глаголов процесса и состояния, во многих случаях от связанных основ; ср. *tirc^o-ra* ‘1) трястись, подпрыгивать (при тряской езде); 2) скакать верхом (на лошади)’, *lyiw^o-ra* ‘колыхаться (о чем-л. пушистом, распушившемся)’ и др.; обзор данной группы в контексте «образных глаголов» см. в [Урманчиева 2020: 589–596]. С другой стороны, класс перфективных глаголов, изменяющихся по рефлексивному спряжению, которые хотелось бы идентифицировать как содержащие пассивный показатель *-ra* / *-rye*, возможно, сам является результатом сближения различных деривационных моделей.

Кроме того, в тундровом ненецком языке существует непродуктивный каузативный показатель *-ra* / *-rye*; ср. *tæw^o-ra* ‘доставить, донести’ < *tæwə* ‘догнать, настичь (II); дойти, добраться (до чего-л.), достичь (чего-л.) (III)’; *pyir^o-m-la-* = (*pyir^o-m-* + *-ra*) ‘сделать высоким, сделать выше’ < *pyirə-m-* ‘стать высоким’ < *pyir^o* ‘высота’. Аналогичный синкретизм характерен и для других северносамодийских языков, в том числе тех, в которых показатель пассива обнаруживает гораздо большую регулярность и продуктивность, как в нганасанском; ср. когнаты каузативного глагола *tæw^o-ra* ‘доставить, донести’ и пассивного глагола *xa-da-ra-* ‘оказаться убитым’ в других близкородственных языках: л. нен. *tāw^o-la-* и *ka-ta-la-*, л. эн. *moo-pa-* и *ka-za-pa-*, нган. *t’uii-rü-* и *ko-tu-ru-*.

Наконец, ситуацию с однозначной идентификацией характера морфемы *-ra* / *-rye* осложняет наличие в тундровом ненецком (*mutatis mutandis* это актуально и для других северносамодийских языков) Р-лабильности и значительного числа глаголов, изменяющихся и как

переходные, и как непереходные. В первом случае они принимают показатели субъектного или субъектно-объектного спряжения, во втором — рефлексивного спряжения. О том, как в целом функционирует система спряжений в тундровом ненецком и рефлексивное спряжение в частности, см. [Терещенко 1947; 1956; 1965; 1973; Ristinen 1973; Salminen 1997; 1998; Körtvély 2005; Буркова 2010; Nikolaeva 2014; Татевосов 2016].

Такого рода неканоническая декаузативная / рефлексивная лабильность, при которой финитные формы глагола в норме различают переходные и непереходные употребления, характерна и для непроизводной, и для производной лексики, в том числе для глаголов с показателем (или показателями) *-ra / -rye*. Ниже приведены примеры с непроизводными лабильными глаголами, демонстрирующими декаузативную (*nae-* ‘открыть; открыться’ в (51)–(52)) и рефлексивную (*yempaq-* ‘одеть; одеться’ в (53)) лабильность.

Тундровый ненецкий

- (51) *l̥abt̥ey°-m waryeq-naq nae°-waq*
 ящик-ACC с.трудом-POSS.1PL открыть(ся)-GFS-1PL.O³⁶
 ‘Мы с трудом раскрыли ящик’ [Терещенко 1965: 327].
- (52) *s̥ata myercya-x̥ana nyo x̥ar-ta nae-y°-q*
 быть.сильным.PT.IPFV ветер-LOC дверь сам-POSS.3SG открыть(ся)-SFS-3SG.R
 ‘На сильном ветру дверь сама открылась’ [Там же].
- (53) a. *yemp°q-ŋa-d°m*
 одеть(ся)-GFS-1SG.S
 ‘I dressed (somebody)’.
- b. *yemp°q-ŋa-w°*
 одеть(ся)-GFS-1SG.O
 ‘I dressed him / her’.
- c. *yemp°q-ŷə-w°q*
 одеть(ся)-SFS-1SG.R
 ‘I got dressed’ [Salminen 1993–2012].

В таблице ниже (с. 41) приведены некоторые производные лабильные глаголы, чья основа оканчивается на показатель (или показатели) *-ra / -rye* (конкретно в этот список попали только глаголы с алломорфами *-ra / -la*).

В этот список попали и глаголы, явно образованные от других глаголов (*weyk̥ala-*, *yeq̥ŋala-*, *ŋet°qla-*, *ŋoc°ra-*, *ny̥əqm°ra-*, *y̥ədara-*, *nyenc°x̥ala-* и др.), и глаголы, явно образованные от имен (*waqla-* < *waq* ‘загон, загородка; забор’), и глаголы, чья деривационная история несколько менее прозрачна. При этом часто не совсем очевидно, какой вклад вносит морфема *-ra / -rye*. Производящему глаголу иногда оказывается синонимичен дериват на *-ra* в переходном употреблении, ср. *ŋet°qla-* (II) и *ŋet̥əq-* ‘уколоть, проколоть, проткнуть’, *y̥ədara-* (II) и *y̥əda-* ‘застрелить, подстрелить, подбить; расстрелять, обстрелять’; а иногда — в непереходном (в рефлексивном спряжении), ср. *nyenc°x̥ala-* (III) ‘двинуться, придвинуться, отодвинуться’ и *nyenc°x̥əl-* ‘двинуться, подвинуться, придвинуться, отодвинуться’, *ŋoc°ra-* (III) ‘надоест, наскучит; изнemoчь от какой-л. надоедливой работы’ и *ŋoc̥ə-* ‘надоест, наскучит; устать от чего-л.’.

При взгляде на такую картину неочевидно, с каким количеством морфем мы имеем здесь дело. По крайней мере часть приведенных в таблице дериватов напоминает то, что

³⁶ Строго говоря, эта форма может быть и формой субъектного спряжения (это единственный случай синкретизма между показателями субъектного и субъектно-объектного спряжения при ед. ч. объекта). Как бы то ни было, противопоставление (тривиального, в смысле [Татевосов 2016]) субъектного и субъектно-объектного спряжений переходного глагола в текущем контексте нерелевантно.

Таблица

Некоторые лабильные глаголы на *-ra* в тундровом ненецком языке

Основа	Переходное употребление (II тип)	Непереходное употребление (рефлексивное спряжение в финитных формах; III тип)
<i>weŋkala-</i>	‘вытянуть’	‘вытянуться’
<i>yeŋŋala-</i>	‘прислонить’	‘прислониться; откинуться’
<i>ŋet^oqla-</i>	‘уколоть’	‘уколоться’
<i>waqla-</i>	‘загородить’	‘загородиться’
<i>ŋoc^ora-</i>	‘довести до изнеможения’	‘надоесть, наскучить’
<i>salm^ora-</i>	‘сровнять, сгладить’	‘заметно разгладиться’
<i>nyəqm^ora-</i>	‘хватать на ощупь; ловить’ ³⁷	‘оказаться пойманным’
<i>lat^ora-</i>	‘сдавить, придавить’	‘оказаться зажатым между чем-л.’
(<i>ye-</i>) ~ <i>yədara-</i>	‘пристрелить’	‘пораниться, застрелиться; получить ранение’
<i>xutolara-</i>	‘выбить из колеи’	‘выбиться из колеи, не зная, за что сначала взялся’
<i>pojolara-</i>	‘поссорить кого-л. с кем-л.’	‘поссориться с кем-л.’
<i>nyenc^oxəla-</i>	‘двинуть’	‘двинуться’

выше называлось пассивом, с единственным, но очень важным отличием — у них есть также переходные употребления. Таковы, в частности, *nyəqm^ora-*, *yədara-*, а также *xutolara-* и *pojolara-*, которые напоминают соответственно двойные пассивы³⁸. Как бы то ни было, отношения между интерпретациями каждого глагола из таблицы в непереходном употреблении (в формах рефлексивного спряжения) и в переходном сводятся к трем основным типам, два из которых — декаузативный (например, *weŋkala-*, *salm^ora-*) и рефлексивный (например, *ŋet^oqla-*, *waqla-*, *yədara-*) — надежно засвидетельствованы в том числе в непроизводной лексике. В третьем типе (например, *nyəqm^ora-*, *lat^ora-*) рефлексивное спряжение тоже описывает переход в результирующее состояние, однако не предполагает значения самопроизвольности (в отличие от декаузатива) и кореферентности участников (в отличие от рефлексива).

Можно предположить, что наличие, с одной стороны, нескольких морфем *-ra* / *-rye*, образующих как переходные, так и непереходные глаголы, а с другой — продуктивной детранзитивизации посредством мены спряжения на рефлексивное могло на определенном диахроническом этапе сыграть роль в возникновении в тундровом ненецком языке того своеобразного «пассива» с идиосинкратическими эффектами, который мы сейчас можем наблюдать. Однако необходимо учитывать, что в других северносамодийских языках, где ситуация с каузативным показателем, когнатным *-ra* / *-rye* и образующим переходные глаголы, примерно такая же, пассив тем не менее гораздо более продуктивен и регулярен.

³⁷ Данный глагол выглядит «белой вороной» даже на фоне этого пестрого списка, потому что он имперфективен в переходном употреблении.

³⁸ Согласно [Salminen 1998], это единственные глаголы на *-ra-ra*, употребляющиеся также переходно, а не только в рефлексивном спряжении. При этом в качестве отдельной словарной статьи фиксируется также глагол *pojolara-* (III) ‘затеряться среди чужих вещей’. Глагол *pojol-*, который, по всей видимости, является производящим, значит ‘стать перепутанным, смешанным, спутанным’. Глагол «*xutor-*», от которого предположительно образован *xutolara-*, в словарях не приводится, тогда как *xutə-* значит ‘стукнуть; ударить, сильно размахнувшись’. (От глагола *lat^ora-* также может быть образован дериват *lat^orara-*, имеющий то же основное значение, что и производящий глагол.)

6. Заключение

В статье были рассмотрены непереходные перфективные глаголы с показателем *-ra/-rye* в тундровом ненецком языке. В морфосинтаксическом отношении функцию этого показателя в сочетании с переходными глаголами уместно описывать как пассивную. При этом, в отличие от других северносамодийских языков, где обнаруживаются когнатные показатели, в тундровом ненецком собственно пассивные употребления *-ra/-rye* непродуктивны, с его помощью образуется лишь несколько десятков пассивных глаголов. Кроме ограниченного числа переходных глаголов, присоединение предположительно того же показателя *-ra/-rye* допускают также отдельные непереходные глаголы и некоторые именные основы. В последнем случае деривационная история глагола, как правило, включает промежуточный сегмент *q* (S), который можно связать с вербализующей / транзитивизирующей морфологией. Дериваты, возводимые к именным основам, демонстрируют двойное присоединение «пассивной» морфологии и позволяют продвинуть в позицию подлежащего участника, отсутствующего в аргументной структуре исходного предиката. Двойная манифестация *-ra/-rye* фиксируется и среди отглагольных производных, однако эффекты, вводимые «двойным пассивом», с трудом поддаются описанию.

В семантическом отношении отыменные дериваты и ядро отглагольных пассивов объединяет употребление преимущественно в адверсативных контекстах. Непродуктивность и лексикализованность глагольного пассива, а также существование продуктивной альтернативной стратегии пассивизации, а именно причастного пассива с понятным и типологически ожидаемым кругом употреблений, позволяет предположить, что основным содержанием деривации на *-ra/-rye* может быть не столько смещение агенса или топиализация пациенса, сколько акцент на «затронутости» (affectedness) одного из участников — либо продвинутого в позицию подлежащего, либо связанного с ним посессивными отношениями. Возникновение и закрепление адверсативных употреблений может быть связано с наличием в тундровом ненецком языке каузативно-пассивного синкретизма и продуктивной детранзитивизации посредством мены спряжения на рефлексивное.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATIONS

б.-з. — большеземельский диалект тундрового ненецкого языка	CVB — конверб
л. нен. — лесной ненецкий язык	DAT — датив
л. эн. — лесной энецкий язык	DEST — дестинатив
м.-з. — малоземельский диалект тундрового ненецкого языка	DET — детерминатор
нган. — нганасанский язык	DIM — диминутив
тайм. — таймырский диалект тундрового ненецкого языка	DU — двойственное число
ям. — ямальский диалект тундрового ненецкого языка	DUR — дуратив
1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо	EVAS — эвазив
ABL — аблатив	EXCL — экскламатив
ACC — аккузатив	FUT — будущее время
ADJ — адъективизатор	GEN — генитив
ADV — адвербиализатор	GFS — общая финитная основа
AUX — вспомогательный показатель	IMP — императив
CAUS — каузатив	INCH — инхоатив
CN — коннегатив	INF — инфинитив
COMPL — комплетив	INFER — инферентив
	IPFV — имперфектив
	LAT — латив
	LOC — локатив
	M — медиальная серия

NARR — нарратив (наклонение)	PROL — пролатив
NEG — отрицательный глагол	PRS — настоящее время
NFUT — небудущее время	PST — прошедшее время
NMLZ — номинализация	PT — причастие
NPL — множественное число	Q — формант <i>q</i>
NSG — неединственное число	R — «рефлективная» серия
O — объект / субъектно-объектная серия	REFL — рефлексив
OBL — косвенная серия (основа) / косвенный объект	RESTR — рестриктив
PASS — пассив	S — субъектная серия
PF — перфект	SFS — специальная финитная основа
PFV — перфектив	SG — единственное число
PL — множественное число	SMS — специальная модальная подоснова
POSS — possessивность	ST — статив
PROGR — прогрессив	TR — транзитивизатор

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Буркова 2010 — Буркова С. И. Краткий очерк грамматики тундрового диалекта ненецкого языка (по материалам говоров, распространенных на территории Ямало-Ненецкого округа). *Диалектологический словарь ненецкого языка*. Буркова С. И., Кошкарева Н. Б., Лаптандер Р. И., Янгасова Н. М. Екатеринбург: Баско, 2010, 179–349. [Burkova S. I. A brief sketch of Tundra Nenets (based on the varieties of Yamalo-Nenets Okrug). *Dialektologicheskii slovar' nenetskogo yazyka*. Burkova S. I., Koshkareva N. B., Laptander R. I., Yangasova N. M. Yekaterinbrug: Basko, 2010, 179–349.]
- Галямина 2001 — Галямина Ю. Е. Акцессивно-рецессивная полисемия показателей залога и актанта деривации. *Исследования по теории грамматики*. Вып. 1: *Глагольные категории*. Плунигян В. А. (ред.). М.: Русские словари, 2001, 178–197. [Galyamina Yu. E. Accessive-recessive polysemy in voice and valency markers. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 1: *Glagol'nye kategorii*. Plungian V. A. (ed.). Moscow: Russkie Slovarei, 2001, 178–197.]
- Гусев 2012 — Гусев В. Ю. Аспект в нганасанском языке. [Gusev V. Yu. Aspect in Nganasan.] *Acta Linguistica Petropolitana*, 2012, VIII(2): 311–360.
- Жорник 2018 — Жорник Д. О. *Пассивные конструкции в уральских языках: типология и диахрония*. Дипломная работа. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2018. [Zhornik D. O. *Passivnye konstruktсии v ural'skikh yazykakh: tipologiya i diakhroniya* [Passive constructions in Uralic: Typology and diachrony]. Bachelor's thesis, Lomonosov Moscow State Univ., 2018.]
- Кормушин 1976 — Кормушин И. В. О пассивном значении каузативных глаголов. *Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова*. Л.: Наука, 1976, 89–93. [Kormushin I. V. On the passive meaning of causative verbs. *Turcologica. K semidesyatiletiiyu akademika A. N. Kononova*. Leningrad: Nauka, 1976, 89–93.]
- Легучий 2014 — Легучий А. Б. Обобщения, ориентированные на исходную точку деривации vs. на продукт деривации, в описании синтаксических процессов. [Letuchiy A. B. Source-based generalizations vs. product-based generalizations in syntax.] *Acta Linguistica Petropolitana*, 2014, X(2): 292–330.
- Мальчуков 2008 — Мальчуков А. Л. *Синтаксис эвенского языка: структурные, семантические, коммуникативные аспекты*. СПб.: Наука, 2008. [Malchukov A. L. *Sintaksis evenskogo yazyka: strukturnye, semanticheskie, kommunikativnye aspekty* [Syntax of Even: Structural, semantic, and communicative aspects]. St. Petersburg: Nauka, 2008.]
- Муравьев 2022 — Муравьев Н. А. Адверсативный пассив от глаголов направленного движения в казымском диалекте хантыйского языка. *Сибирский филологический журнал*, 2022, 2: 201–219. [Muraviev N. A. Adversative passive of directed motion verbs in Kazym Khanty. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 2022, 2: 201–219.]
- Недялков 1964 — Недялков В. П. О связи каузативности и пассивности. *Ученые записки Башкирского ун-та. Сер. филологических наук*, 1964, 9(13): 301–310. [Nedjalkov V. P. On the connection between the causative and the passive. *Uchenye zapiski Bashkirskogo universiteta. Seriya filologicheskikh nauk*, 1964, 9(13): 301–310.]

- Плунгян 1998 — Плунгян В. А. *Грамматические категории, их аналоги и заместители*. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. [Plungian V. A. *Grammaticheskie kategorii, ikh analogi i zamestiteli* [Grammatical categories, their analogues and substitutes]. Doctoral diss. abstract, Lomonosov Moscow State Univ., 1998.]
- Пырерка, Терещенко 1948 — Пырерка А. П., Терещенко Н. М. *Русско-ненецкий словарь*. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1948. [Pyrerka A. P., Tereshchenko N. M. *Russko-nenetskii slovar'* [Russian–Nenets dictionary]. Moscow: OGIZ; State Press for Foreign and National Dictionaries, 1948.]
- Сорокина, Болина 2009 — Сорокина И. П., Болина Д. С. *Энецко-русский словарь*. СПб.: Наука, 2009. [Sorokina I. P., Bolina D. S. *Enetsko-russkii slovar'* [Enets–Russian dictionary]. St. Petersburg: Nauka, 2009.]
- Стенин 2022 — Стенин И. А. Несколько наблюдений над причастным пассивом в тундровом ненецком языке. *Известия РАН. Сер. литературы и языка*, 2022, 81(4): 96–108. [Stenin I. A. Some observations on participial passive in Tundra Nenets. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2022, 81(4): 96–108.]
- Татевосов 2016 — Татевосов С. Г. Структура и интерпретация ненецкого глагола: актантно-акциональные классы и типы спряжения. *Вопросы языкознания*, 2016, 3: 81–114. [Tatevosov S. G. Structure and interpretation of Tundra Nenets verbs: Eventuality types and conjugation classes. *Voprosy Jazykoznanija*, 2016, 3: 81–114.]
- Терещенко 1947 — Терещенко Н. М. *Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка*. Л.: Учпедгиз, 1947. [Tereshchenko N. M. *Ocherk grammatiki nenetskogo (yurako-samoedского) yazyka* [A sketch of Nenets grammar]. Leningrad: Uchpedgiz, 1947.]
- Терещенко 1956 — Терещенко Н. М. *Материалы и исследования по языку ненцев*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. [Tereshchenko N. M. *Materialy i issledovaniya po yazyku nentsev* [Materials and studies in Nenets]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1956.]
- Терещенко 1965 — Терещенко Н. М. *Ненецко-русский словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1965. [Tereshchenko N. M. *Nenetsko-russkii slovar'* [Nenets–Russian dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1965.]
- Терещенко 1973 — Терещенко Н. М. *Синтаксис самодийских языков: Простое предложение*. Л.: Наука, 1973. [Tereshchenko N. M. *Sintaksis samodiiskikh yazykov: Prostoie predlozhenie* [Syntax of Samoyedic languages: Simple sentence]. Leningrad: Nauka, 1973.]
- Терещенко 1990 — Терещенко Н. М. *Ненецкий эпос. Материалы и исследования по самодийским языкам*. Л.: Наука, 1990. [Tereshchenko N. M. *Nenetskii epos. Materialy i issledovaniya po samodiiskim yazykam* [Nenets epics. Materials and studies in Samoyedic]. Leningrad: Nauka, 1990.]
- Урманчиева 2020 — Урманчиева А. Ю. Деривационная морфология образных глаголов тундрового ненецкого языка. [Uрманchieva A. Yu. Derivational morphology of depictive (onomatopoeic) verbs in Tundra Nenets.] *Acta Linguistica Petropolitana*, 2020, XVI(3): 570–612.
- Шлуинский 2017 — Шлуинский А. Б. Видовая система энецкого языка на фоне русской: к типологии словоклассифицирующего вида. *Вопросы языкознания*, 2017, 3: 24–52. [Shluinsky A. B. Aspect system of Enets against the background of Russian: A case study of “classifying” viewpoint aspect. *Voprosy Jazykoznanija*, 2017, 3: 24–52.]
- Bahrt 2020 — Bahrt N. N. *Towards a typology of voice syncretism*. Ph.D. diss., Univ. of Helsinki, 2020.
- Brykina et al. 2018 — Brykina M., Gusev V., Szeverényi S., Wagner-Nagy B. *Nganasan spoken language corpus (NSLC)*. Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. Version 0.2. Publication date 2018-06-12. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-C6F2-8>.
- Bybee 1995 — Bybee J. Regular morphology and the lexicon. *Language and Cognitive Processes*, 1995, 10(5): 425–455.
- Chung 1993 — Chung T. The affected construction in Korean and Japanese. *Japanese / Korean linguistics*. Vol. 3. Choi S. (ed.). Stanford: Calif, 1993, 154–170.
- Dalrymple, Nikolaeva 2011 — Dalrymple M., Nikolaeva I. *Objects and information structure*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011.
- Gabelentz 1861 — von der Gabelentz H. C. Über das Passivum: eine sprachvergleichende Abhandlung. *Abhandlungen der Philologisch-Historischen Classe der Königlich Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften*. Bd. 3. Leipzig: bei S. Hirzel, 1861, 449–546.
- Gerdts 2012 — Gerdts D. B. Ghosts, mirrors, and adversative passives in Hul'q'umi'num'. *Northwest Journal of Linguistics*, 2012, 6.4: 1–11.
- Göksel, Kerslake 2005 — Göksel A., Kerslake C. *Turkish: A comprehensive grammar*. London: Routledge, 2005.

- Haspelmath 1990 — Haspelmath M. The grammaticization of passive morphology. *Studies in Language*, 1990, 14(1): 25–72.
- Haspelmath 1994 — Haspelmath M. Passive participles across languages. *Voice: Form and function*. Fox B. A., Hopper P. J. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1994, 151–177.
- Helimski 1998 — Helimski E. Nganasan. *The Uralic languages*. Abondolo D. (ed.). London: Routledge, 1998, 480–515.
- Jalava 2014 — Jalava L. Indirectivity and resultativity in Tundra Nenets. *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 2014, 62: 207–240.
- Keenan 1985 — Keenan E. L. Passive in the world's languages. *Language typology and syntactic description*. Vol. 1. Shopen T. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985, 243–281.
- Khanina, Shluinsky 2019 — Khanina O., Shluinsky A. Intransitive verbs in Enets: A contribution to the typology of split intransitivity. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, 2019, 38(1): 1–36.
- Kiyosawa, Gerds 2010 — Kiyosawa K., Gerds D. B. *Salish applicatives*. Leiden: Brill, 2010.
- Körtvély 2005 — Körtvély E. *Verb conjugation in Tundra Nenets*. Ph.D. diss., Univ. of Szeged, 2005.
- Legate et al. 2020 — Legate J. A., Akkuş F., Sereikaitė M., Ringe D. On passives of passives. *Language*, 2020, 96(4): 771–818.
- Lyutikova, Bonch-Osmolovskaya 2006 — Lyutikova E., Bonch-Osmolovskaya A. A very active passive: Functional similarities between passive and causative in Balkar. *Case, valency and transitivity*. Kulikov L., Malchukov A. L., de Swart P. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2006, 393–416.
- Lyutikova, Tatevosov 2015 — Lyutikova E., Tatevosov S. Recursive passivization: A causative coercion account. *Affix ordering across languages and frameworks*. Manova S. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2015, 17–52.
- Malchukov 1993 — Malchukov A. L. Adversative constructions in Even in relation to passive and permissive. *Causatives and transitivity*. Comrie B., Polinsky M. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1993, 369–384.
- Nedjalkov 1991 — Nedjalkov I. V. Recessive-accessive polysemy of verbal suffixes. *Languages of the World*, 1991, 1: 4–31.
- Nikolaeva 2014 — Nikolaeva I. *A grammar of Tundra Nenets*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014.
- Nomoto, Kartini 2012 — Nomoto H., Kartini A. W. Kena adversative passives in Malay, funny control, and covert voice alternation. *Oceanic Linguistics*, 2012, 51(2): 360–386.
- Oehrle, Nishio 1981 — Oehrle R. T., Nishio H. Adversity. *Coyote Papers 2: Proc. of the Arizona Conf. on Japanese Linguistics: The Formal Grammar Sessions*. Farmer A. K., Kitagawa Ch. (eds.). Tucson (AZ): Univ. of Arizona Linguistics Circle, 1981, 163–185.
- Özkaragöz 1986 — Özkaragöz İ. Monoclausal double passives in Turkish. *Studies in Turkish linguistics*. Slobin D. I., Zimmer K. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1986, 77–91.
- Plungian 1993 — Plungian V. A. Three causatives in Dogon and the overlapping of causative and passive markers. *Causatives and transitivity*. Comrie B., Polinsky M. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1993, 391–396.
- Pylkkänen 2000 — Pylkkänen L. What applicative heads apply to. *Proc. of the 24th Annual Penn Linguistics Colloquium. U. Penn Working Papers in Linguistics*, 2000, 7.1: 197–210.
- Ristinen 1973 — Ristinen E. K. Observations on the functions of the conjugations in Samoyedic. *Uralica*, 1973, 1: 11–38.
- Robbeets 2007 — Robbeets M. The causative-passive in the Trans-Eurasian languages. *Turkic Languages*, 2007, 11: 158–201.
- Salminen 1997 — Salminen T. *Tundra Nenets inflection*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997.
- Salminen 1998 — Salminen T. *A morphological dictionary of Tundra Nenets*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998.
- Salminen 1993–2012 — Salminen T. *Tundra Nenets*. Helsinki: Univ. of Helsinki, 1993–2012. Archived at <https://web.archive.org/web/20180811212857/www.helsinki.fi/~tasalmin/sketch.html>.
- Schulze, ms. — Schulze W. On instances of causative / passive homonymy. Ludwig-Maximilians-Universität München, ms.
- Shibatani 1994 — Shibatani M. An integrational approach to possessor raising, ethical datives, and adversative passives. *Proc. of the 20th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. February 18–21, 1994. General session dedicated to the contributions of Charles J. Fillmore*. Gahl S., Dolbey A., Johnson Ch. (eds.). Berkeley: Berkeley Linguistics Society, 1994, 461–486.
- Siegl 2013 — Siegl F. *Materials on Forest Enets, an indigenous language of Northern Siberia*. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 2013.

- Siewierska 2005 — Siewierska A. Passive constructions. *The world atlas of language structures*. Haspelmath M., Dryer M. S., Gil D., Comrie B. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2005, 434–437.
- Wagner-Nagy 2001 — Wagner-Nagy B. B. *Die Wortbildung im Nganasanischen*. Szeged: SzTE Finnugor Tanszék, 2001.
- Washio 1993 — Washio R. When causatives mean passive: A cross-linguistic perspective. *Journal of East Asian Linguistics*, 1993, 2: 45–90.
- Wierzbicka 1979 — Wierzbicka A. Are grammatical categories vague or polysemous? (The Japanese ‘adversative’ passive in a typological context). *Paper in Linguistics*, 1979, 12(1–2): 111–162.

Получено / received 25.05.2022

Принято / accepted 27.09.2022